

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 83-89, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (4) "15/19"

Idea of a nation in Eastern Europe in modern times

Victor Y. Apryshchenko ^{a, *}

^a Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The article deals with the process of shaping of the national identities in eastern Europe in Modern Times. The idea of a nation considers as a result and the source of mythologisation. East-european intellectual tradition of the nineteenth century resulted in the mobilisation of ethnicity aiming to protect the idea of a nation. Pointing out the elitarian and popular imaginations, the author argues that nationalism played a communicative role between a state and society and has produced resources for nation-building. The role of national symbols is also considered in the paper by means of ethno-symbolic approach. The author concluded that intellectual imaginations which were based on the ethnic myths and symbols have shaped the national identity in Eastern Europe.

Keywords: nation, identity, myth, symbols, ethnicity, intellectuals popular imaginations.

1. Введение

Идея нации традиционно являлась объектом мифологизации, воплощая представления народов о своем прошлом и настоящем, о друзьях и недругах, о должном и запрещенном. При этом мифы нации, будучи выражены в разных воплощениях – формальных, физических, культурных и религиозных, социальных и политических – не могли становиться основой для столь же различных человеческих практик – войн, актов агрессии, политических мероприятий, идеологии, а также повседневного поведения, основанного на представлении о собственной культуре. Иными словами, идея нации требует того «ежедневного плебисцита», о котором говорил в своей известной лекции, прочитанной в Сорбонне в 1882 г. Э. Ренан. На протяжении XIX и начала XX столетий именно страны Восточной Европы испытали не себе процесс нации-строительства, выявивший самые болевые точки формирования идеи нации. Эти проблемы были связаны не только с распадом империй, объединявших в себе множество наций, но и необходимостью «примирения с прошлым».

2. Материалы и методы

Материалы, использованные для подготовки данной статьи, включают как произведения теоретиков нации XIX столетия, среди которых особо выделяются Э. Берк ([Burke, 2001](#)), Н. Карамзин, Ф. Палацкий ([Palacky, 1939](#)), Э. Ренан ([Renan, 1882](#)), заложившие моральный и интеллектуальный фундамент для зарождающегося национализма в своих странах, так более поздних теоретиков нации, таких как Б. Андерсон, Э. Гелнер, Э. Смит и другие. Большая часть этих текстов вошла в академическое оксфордское издание под редакцией Джорна Хатчинсона и Энтони Смита ([Nationalism, 2012](#)).

Методологическую основу исследования составили историко-антропологические методы, использование которых дают возможность проанализировать «человеческое» измерение нации, где она полагается не как политический конструкт, а как результат ренановского «ежедневного плебисцита» ([Renan, 1882](#); [Kohn, 1955: 135-140](#)). Скорее «вера» в нацию, чем реальные политические

* Corresponding author

E-mail addresses: victorapr@sfedu.ru (V.Y. Apryshchenko)

институты, была характерна для национализма XIX в., что обуславливает использование историко-антропологических методов (Barret, 1996), открывающих значительные эвристические перспективы перед исследователем, изучающим национальную идею. При этом данная методология близка к тому, что Пол Хэйв называет «этнометодологией», предметом анализа которой являются «способы, которыми члено общества создают и защищают ощущение правил и справедливости социальной жизни» (Qualitative Research Practice, 2010).

3. Обсуждение

Современный этап развития историописания характеризуется тем многообразием парадигм и концепций, которое не только породило различные новые методы и направления исследований, но и привело к историографическому пересмотру, казалось бы, устоявшихся категорий исторического анализа. Одним из примеров такой ревизии является категория «нация». Оживление интереса к этому концепту было вызвано целым рядом факторов, как академического, так и общественного характера, и уже сегодня дало очевидные результаты.

Современные исследователи феномена нации, и Эрнест Гелнер, и Энтони Смит, и Бенедикт Андерсон считают национализм ответом на модернизацию, в ходе которой были разрушены традиционные структуры. На то, что рассмотрение нации-строительства, как процесса, происходящего в рамках более глобальной социальной и культурной истории, способно принести гораздо большую пользу, чем навешивание разного рода ярлыков, обращал внимание еще М. Хрох. Подобные вопросы тем более интересны, что они рассматривают одну из форм идентичности – национальную.

Уже Адам Смит – один из тех, кого вопрос о сущности нации очень занимал, употребляет этот концепт как обозначающий территорию страны и людей, которые там живут. Однако еще и в XIX в. категория «нации» часто употребляется лишь в риторическом смысле, обозначая просто общество людей. В политическом же смысле, нация в XIX в. включает в себя находящиеся под управлением одного правительства, и либо самоуправляющиеся, либо управляемые освобожденной частью людей, сообщества.

Этот политический смысл очень важен, поскольку уже в конце XVIII в. прослеживается тенденция отказа от идентификации себя с каким-то правителем, монархом. Важно и то, что концепт "нации" наиболее активно развивается с 1830 по 1880 г., что свидетельствует о возросшей роли либеральной буржуазии и интеллигенции в его конституировании. Уже для Вальтера Бейджхота "формирование наций" было важной частью эволюции XIX в. (Bagehot, 1887). Именно на эти особенности формирования наций в Восточной Европе указывают большинство Эли Кедури, Том Нэйрн, Джон Брюли и др. (Nationalism, 2012)

4. Результаты

Первым этапом формирования нации, как показывает европейский опыт XVIII в., является т.н. «бюрократическая инкорпорация», которая делает возможным обеспечивать народ, проживающий на государственной территории общими законами, экономическими условиями, «языковой стандартизацией», как пишет Э. Смит, что способствует формированию нации. Причем все это не исключает сохранения местных особенностей, которые во Франции, например, сохранялись до XIX в. Но этот этап, являющийся все же механическим объединением, не рождает нацию, он создает лишь условия для ее формирования.

На втором этапе решающую роль играет интеллигенция, которая должна как бы переоткрыть нацию, что, как правило, происходило в результате моральной революции. Интеллигенция должна была сформировать вместо пассивного и зависимого этнического меньшинства, живущего на территории этнической периферии и кичащегося своим независимым прошлым, новую компактную политически и социально активную нацию, воссозданную еще и в националистической терминологии.

В наибольшей степени эти идеи отражаются в представлении о нации как о дискурсивном феномене. Дискурс нации предполагает убеждение в существовании неких этнических объединений, интегрированных общностью происхождения, истории, занимаемой территории, политических структур и т.д. - все то, что было так значимо для восточно-европейских интеллектуалов во второй половине XIX в. Дискурсивная природа нации предполагала постоянное обращение к идеи нации и ежедневное конструирование этой идеи. Невыполнение этого требования национального единства, к которому миф о нации постоянно апеллирует, грозит национальной катастрофой. Именно поэтому миф о нации на протяжении Нового времени являлся столь могущественной силой в Восточной Европе.

Миф о нации может быть, очевидно, определен как разновидность мета-мифа, поскольку он включают целый ряд идей и представлений, таких как миф о собственной территории, завещанной предками, миф о единстве биологического (расового) происхождения, как правило, обусловленного генеалогией от общего предка, миф о политической власти, интегрирующей нацию и т.д. Однако, наиболее важными компонентами, легитимирующими существующий порядок и поддерживавшими жизнестойкость национального мета-мифа, являлись представления об общем историческом

прошлом и этнический миф. Одновременно именно эти два компонента мета-мифа о нации являются наиболее мифологизированными, что делает их, с одной стороны, довольно гибкими и зависящими от политической и геополитической конъюнктуры, а с другой, превращает в средство манипуляции общественным мнением.

Именно этнический миф, как никакой другой наполненный национальными символами, чаще других становится основанием для противостояния. При этом важным для понимания идеологической роли этнического мифа в формировании стратегии противостояния является понимание этничности не как «биологической» категории, а как культурно-идеологического концепта, подвергаемого трансформации в зависимости от определенных обстоятельств (Smith, 1999: 57-58). Этническое родство является основным принципом конструкции мифа о нации, а культурно-идеологическое представление об этничности создает благоприятную основу для манипуляций этой идеей.

Обуславливая этнонациональные процессы, миф о нации и сам является очень подвижной системой, в одно и то же время и детерминируя эволюцию представлений о нации на уровне группы, и попадая в зависимость от социокультурных обстоятельств и геополитической ситуации. Национальный миф, способствуя эволюции культуры, способен «перемальвать» и адаптировать те представления, которые не соответствуют идее этнической солидарности. Создатели национальной мифологии воспроизводят национальную идентичность, используя этнические символы и идеи, в том числе и представления о родстве, общей укорененности группы в прошлом. Ядро этой этнической идентичности и составляет мифо-символический комплекс – смесь мифа, памяти, знаков и символов, который не просто определяет, кто входит в состав группы, но также и то, что значит быть членом этой группы. Существование, статус и безопасность группы в этом случае находятся в прямой зависимости от статуса групповых символов, именно поэтому люди сражаются и умирают за эти символы, и поэтому они готовы следовать за своими лидерами, которые манипулируют символами в целях достижения своих интересов (Kaufman, 2001: 25).

Особенно важен статус национальных символов в условиях глубоких общественных перемен, сотрясавших Восточную Европу во второй половине XIX в. Согласно Д. Хоровитцу, выбирая между максимализацией собственных материальных благ и максимализацией различия между уровнем обеспеченности собственной группой и другой в свою пользу, люди, как правило, выбирают второе. Иначе говоря, фактор различия становится решающим в процессе построения национальной идентичности. Языком этого соперничества является дилемма легитимности, заключающаяся в вопросе о том, статус какой их групп является более законным и освященным традицией, какая группа имеет больше прав на осуществления власти и реализацию права. Именно относительный статус, а не экономика, язык или нечто другое, по мнению Д. Хоровитца, и порождает этнический конфликт (Kaufman, 2001: 26).

Предубеждения, стереотипы, выражающиеся в негативном отношении и чувствах к чужим, и мифы, являющиеся составными частями мифо-символического комплекса, очевидно являются средством лишения противоположной группы легитимного статуса. Эмоциональная составляющая этих настроений очень важна – исследования показывают, что отрицательные чувства по отношению к другой группе играют большую роль, чем стереотипы в объяснении собственных претензий (Stangor et al., 1991). В этнических конфликтах часто более важным оказывается не то, что приобретет твоя группа, а то, что потеряет враждебная. Важным в формировании отношения к другой группе оказывается и чувство опасности, как правило, преувеличенное, связанное с потенциальной возможностью исчезновения собственного социального организма. Такие опасения часто основываются на демографических и статистических показателях, а также на истории превосходства противоположной группы. Опасность исчезновения группы ведет к чувству страха и враждебности, а значит – к нестабильности и конфликту. Это чувство внешней угрозы является консолидирующим фактором, группа переосмысливает все события в этнических терминах, что служит укреплению внутригрупповых связей (Young, 1976: 161-162).

Политическим воплощением идеи о нации стал миф о государстве-нации, наибольшее развитие получивший в XIX – первой половине XX вв. Хотя еще и в конце XIX в. ассоциирование себя с какой-то национальностью формировалось довольно спорадически в целом ряде восточно-европейских государств (Cadiot, 2005: 440), жизнестойкость мифа о нации поддерживалась целым рядом фактов, ставших результатом исторических изменений, а сам мета-миф, поддерживаемый не только национальными правительствами, но и международными организациями, обретал статус реальности. Национализм, как правило, обретал либеральные черты, и за немногими исключениями границы государств соответствовали территориям проживания наций.

В результате рождалось то, что получило сегодня название «культурный национализм», являющийся, очевидно, первым этапом развития национализма вообще. Среди исследователей нет сегодня единодушия по проблеме классификации национализма. Выделяют обычно гражданский и этнический, политический и культурный, сепаратистский и юнионистский.

Признавая, что национализм изменил современный мир, исследователи имеют ввиду политическую его разновидность – политическое движение, которое объединило людей с целью достижения независимости для своей нации. Именно такое понимание национализма встречается,

например, в цикле работ Эли Кедури "Национализм" (Kedourie, 1966), "Национализм в Азии и Африке" (Kedourie, 1971). Национализм, согласно Кедури, это доктрина, которая утверждает, что человечество от природы разделено на нации, что нации обладают устойчивыми и известными характеристиками, и что единственным разумным и законным способом существования наций, является их независимость (Kedourie, 1966: 9). Эта идея берет свое начало еще в XVIII в., когда просветители сформулировали концепт нации, как независимого сообщества, объединенного рядом характеристик, ключевыми из которых были религия и коллективная идентичность. Тогда в XVIII и XIX вв. эта идея имела революционное значение, мобилизовав массы на борьбу с существующим общественным устройством.

По мнению Э. Кедури, истоки просветительских представлений лежат в кризисе традиционной религии, и зарождении рационалистической космологии XVIII в. Просветители, отстаивая идею общественного происхождения морали, в противовес ее данности богом, верили в процветание природы, что имело серьезные политические последствия. Революционное значение рационализма состояло в том, что он заместил религию деятельностью людей. В этом смысле логичным выглядит, что на смену бюрократическим абсолютистским европейским государствам, приходит национализм, как основа истинной автономии политического сообщества (Kedourie, 1966: 41).

Но национализм, уничтожив бюрократическое государство, положил начало разным течениям, в частности, волонтаристам (которых Э. Кедури называет республиканцами), связанных с политическими националистами, и органистам, которые ассоциируются с культурными националистами. Именно тогда Кантом и Гердером была заложена основа разделения на политический и культурный национализм (Hutchinson, 1987: 8-9)

Важность идей Э. Кедури в том, что он определил национализм как идеологию, противостоящую и традиционной идентичности, и бюрократическому государству своей активностью. Инициаторами культурного национализма были восточно-европейские интеллектуалы, чья роль заключалась в том, что они сформулировали новую историческую идеологию и основали первые культурные институты, которые должны были являться хранителями исторической памяти.

Уже на следующем этапе новая идентичность, созданная из мифов и легенд, была трансформирована в конкретные политические, экономические и социальные программы журналистами и политиками. Именно на этом этапе была заложена основа антагонизма между нацией и государством.

Хотя эти два этапа нации-строительства преследовали разные цели, оба они отстаивали интересы этноса и стремились к тому, чтобы их «нация» была воссоздана на новом уровне. Прошлое для них не было целью, к которому они хотели вернуться, но средством перехода нации на новый уровень развития. Но как бы то ни было, для формирования нации все же необходимо некое этническое ядро. Хотя, снова необходимо подчеркнуть, что речь не идет о фактическом происхождении, но об ощущении некой общности, об идентичности. Отсюда важность мифов, символов, ценностей истории. Это этническое ядро обеспечивает более простую и полную гомогенизацию в процессе нации-строительства.

Культурный национализм сыграл решающую роль в создании новой космологии, в рамках которой общество разделилось на уникальные автономные, интегральные и самостоятельно развивающиеся территориальные организмы. Инициаторами идеологии культурного национализма являлись представители двух групп - секулярных интеллектуалов, создавших эти идеи – историков, деятелей искусства и т.д., и интеллигенции – журналистов, политиков, которые организационно их сформировали и создали политические сообщества. Обе группы происходят из образованных секулярных слоев XVIII в. и в этом их сходство, но они сыграли разную роль в динамике и утверждении культурного национализма.

В литературе, посвященной культурному национализму, при его характеристике прослеживаются следующие тенденции: во-первых, он противопоставляется политическому национализму, во-вторых, является преимущественно языковым движением, в третьих, он связан с модернизацией, завершение которой его уничтожает. Коренное отличие культурного национализма от политического состоит в том, что он не претендует на автономность жизни, но скорее, на обновление моральной сферы функционирования национального сообщества. Историческая память, чаще, чем язык, служит основой определения национального сообщества, что особенно актуально для ранних этапов нации-строительства.

Культурный национализм исходит из того, что государство есть продукт уникальной истории, культуры и географических условий, а нация - изначально данное выражение духа народа, и, как и семья, она едина. Нация представляет собой не просто политический союз, но скорее органический. В отличие от политических националистов, культурные считают нацию скрепленной не законом, а природой и историей (Berlin, 1976: 158-163). Воссоздавая разные аспекты жизни нации – традиционные и современные, сельские и городские, научные и религиозные, культурный национализм декларирует возрождение жизненных принципов нации. Современные националистические историки заново воссоздают мифы о миграциях и местах поселения, о "золотом веке" независимости, о героях древности, что способствует расцвету истории, искусств и культуры, как форм проявления новой идентичности.

Целью культурных националистов, таким образом, является моральное воссоздание исторического сообщества или, другими словами, регенерация национальной цивилизации (Hutchinson, 1987: 16). Поскольку цивилизация, в отличие от государства, является естественным продуктом развития общества, она не может быть воссоздана сверху или насаждена. Необходимо, соответственно, деятельность по организации масс для участия их в культурной жизни, путем создания культурных обществ, журналов, способствующих оживлению народной исторической памяти. Необходимы особые ритуалы, праздники, ликвидация или уменьшение иностранных практик, для того чтобы способствовать формированию общей идентичности в противовес другим сообществам.

По мнению Кона, если политический национализм – это "рациональная" форма, то культурный – это "мистическая" (Kohn, 1946: 3-4). Она возникает там, где процесс модернизации лишь только начинается, соответственно разрушаются старые традиционные структуры, а новые слои общества еще не сформировались. История многих восточно-европейских стран показывает, что политический национализм, в основе которого лежит борьба за независимые легислатуры, начинается с завершением процесса модернизации. Переход к индустриальному обществу приводит не только к реструктуризации экономики, но и к социальным сдвигам – появляется то, что мы сегодня называем средним классом.

Нация, таким образом, формировалась с опорой на историческую память, уникальные культурные атрибуты, и опиралась, в отличие от рационалистического политического национализма, на мистические связи между крестьянством, землей и обществом (Kohn, 1946: 329-341). Э. Геллнер представляет процесс примерно таким же образом. По его мнению, культурный национализм создается интеллектуалами, которые в условиях угрозы традиционному обществу со стороны модернизации и невозможности противостояния ей, защищают прошлое, связавшее народ лингвистическими и культурными нитями. Эффект этой защиты получается скорее обратный – конфликт между традицией и модернизацией сглаживается, и в результате трансформации общества, создается культура, основой которой являются рационалистические ценности (Gellner, 1983: 57-61).

Иными словами, культурный национализм рождается в условиях противостояния традиционного общества и модернизации, и является "ответом" на ее "вызов", даваемым образованными слоями социума. Аграрное население в этом процессе не является пассивным объектом, а принимает активное участие в трансформации идентичности, тем самым, осуществляя выбор. И выбор этот, как правило, делается в пользу новой культуры, основанной на этно-исторических ценностях, но по своему характеру являющейся уже культурой индустриального общества. "Возвращение традиционной народной культуры, таким образом, это не бегство от реального мира, а катапультирование нации из современного ей состояния безвыходности и тупиковости к новому этапу социального развития" (Hutchinson, 1987: 33).

Культурный национализм появляется только в условиях глубокого кризиса идентичности, и попыток ликвидировать этот кризис в рамках модернизации, как это было, например, в Индии и Китае, столкнувшихся в к. XIX в. с вызовами Западной цивилизации. Исследователи выделяют три пути ликвидации этого кризиса: реформизм, ассимиляция и нео-традиционализм, каждый из которых, по словам Э. Смита, является результатом синтеза "традиции" и "модернизации" и может в итоге трансформироваться в культурный национализм (Smith, 1971; Smith, 1981). То есть культурному национализму предшествуют несколько форм рефлексии общества на модернизацию, и он не рождается ex nihilo, но становится результатом длительного процесса.

Для исторической антропологии ценность категории культурный национализм состоит в том, что нация рассматривается не как объективная данность, но как продукт интеллектуальной деятельности, рассчитанный на потребление широких масс. По мнению Х. Кона, культурный национализм является элементом националистического развития восточно-европейских или восточных государств, где возможности для демократического развития были ограничены, и эта форма национализма была единственной возможностью развития националистических взглядов среднего класса, возникшего в постреволюционный период второй половины XIX в. (Kohn, 1946).

Мирослав Хрох, чьи исследовательские интересы сосредоточены в Центральной и Восточной Европе, особенности развития национализма там, объясняет фактом преобладания чужеземного правящего класса над этническими группами, которые в определенный момент принялись обсуждать свою этническую принадлежность.

Вряд ли есть основания говорить о том, что форма национализма априори предрешена историческим, этническим развитием или другим факторами. В ее выборе решающей является степень интеграции элит, в том числе, и культурных, в институты модернизирующегося общества. В конечном счете, именно за элитами остается выбор пути национального движения, а в равной степени и формирование неконфликтного образа национального соседства (Schlee, 2010).

Что остается неизменным, так это три группы связей, возникающих в процессе нациестроительства: во-первых, это «память» об общем прошлом, толкуемом как «судьба» группы или хотя бы ее ключевых элементов (Bottici, Challand, 2013); во-вторых, плотность и интенсивность языковых или культурных связей, которые обеспечивают более высокий уровень социальной коммуникации в рамках группы, чем за ее пределами; и в третьих, концепция равенства всех членов группы, организованных в гражданское общество.

5. Выводы

Таким образом, национальный проект проходил в своем развитии несколько стадий. Но основой его реализации была трансформация идентичности. Необходимо было заложить идею нации, трансформировать старую традиционную идентичность, придав ей новые формы и содержание. Историческая антропология позволяет изучить механизм реализации этого проекта, акцентируя внимание на субъективное восприятие происходящих изменений в историческом сознании и социальной памяти. И, наконец, последнее. Вопрос, поставленный однажды Б. Андерсоном, о том, какая из дисциплин помогает исследовать национализм наиболее полно: история, психология, политическая экономика, социология, антропология, философия или литературная критика, на наш взгляд, может быть успешно рассмотрен в контексте исторической антропологии. Именно используя историко-антропологический подход, исследователь получает возможность обращаться не макро уровню процесса конструирования национальной идентичности, а изучать индивидуальные чувства и представления, порожденные социо-культурным контекстом.

Благодарности

Работа выполнена в рамках Проекта Распределенного научного центра «Мониторинг межнациональных отношений и религиозной ситуации; анализ проблем этнокультурного и исторического образования; анализ языковой политики в регионах Южного федерального округа» (Научный руководитель – академик Тишков В.А.). – Госзадание 213.01-11/2015-2.

Литература:

- Bagehot, 1887 - *Bagehot W.* Physics and Politics. London, 1887.
 Barret, 1996 - *Barret S.* Anthropology: A Students Guide to Theory and Method. Toronto, 1996.
 Berlin, 1976 - *Berlin I.* Vico and Herder: Two Studies in the History of Ideas. London, 1976.
 Bottici, Challand 2013 - *Bottici C., Challand B.* Imaging Europe: Myth, Memory, and Identity. Cambridge, 2013.
 Burke, 2001 - *Burke E.* Reflections on the Revolution in France. A Critical Edition. Stanford, 2001.
 Cadiot, 2005 - *Cadiot J.* Searching for Nationality: Statistic and national Categories at the end of the Russian Empire (1987-1917) // The Russian Review. 2005. № 64. P. 440.
 Gellner, 1983 - *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983.
 Hutchinson, 1987 - *Hutchinson J.* The Dynamic of Cultural Nationalism. The Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. London, 1987.
 Kaufman, 2001 - *Kaufman S.J.* Modern Hatreds. The Symbolic Politics of Ethnic War. Ithaca, New York: Columbia University Press, 2001.
 Kedourie, 1971 - *Kedourie E.* Nationalism in Asia and Africa. London, 1971.
 Kedourie, 1966 - *Kedourie E.* Nationalism. London, 1966.
 Kohn, 1946 - *Kohn H.* The Idea of Nationalism. New York, 1946.
 Kohn, 1955 - *Kohn H.* Nationalism: Its meaning and history. Princeton, 1955.
 Qualitative Research Practice, 2010 - *Qualitative Research Practice.* Ed. by C. Seale, G. Gobo, J. Gubrium, D. Silverman. London, 2010.
 Palacky, 1939 - *Palacky F.* Dějiny narodu českého v Cechach a v Moravě. Dl 1-6. Praha, 1939.
 Renan, 1882 - *Renan E.* Qu'est-ce que'une nation? Paris, 1882.
 Schlee, 2010 - *Schlee G.* How enemies are made. Towards a theory of ethnoic and religious conflicts. New York, 2010.
 Smith, 1981 - *Smith A.* The Ethnic Revival. Cambridge, 1981, ch.5.
 Smith, 1971 - *Smith A.* Theories of Nationalism. London, 1971, ch.10.
 Smith, 1999 - *Smith A.* Myths and Memories of the Nation. Oxford University Press, 1999.
 Stangor et al., 1991 - *Stangor Ch., Sullivan L., Ford Th.E.* Affective and Cognitive Determinants of Prejudice. // Social Cognition. Vol. 9. 1991. № 4.
 Young, 1976 - *Young C.* The Politics of Cultural Pluralism. Madison, 1976.

References:

- Bagehot, 1887 - *Bagehot W.* Physics and Politics. London, 1887.
 Barret, 1996 - *Barret S.* Anthropology: A Students Guide to Theory and Method. Toronto, 1996.
 Berlin, 1976 - *Berlin I.* Vico and Herder: Two Studies in the History of Ideas. London, 1976.
 Bottici, Challand 2013 - *Bottici C., Challand B.* Imaging Europe: Myth, Memory, and Identity. Cambridge, 2013.
 Burke, 2001 - *Burke E.* Reflections on the Revolution in France. A Critical Edition. Stanford, 2001.
 Cadiot, 2005 - *Cadiot J.* Searching for Nationality: Statistic and national Categories at the end of the Russian Empire (1987-1917) // The Russian Review. 2005. № 64. P. 440.
 Gellner, 1983 - *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983.
 Hutchinson, 1987 - *Hutchinson J.* The Dynamic of Cultural Nationalism. The Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. London, 1987.
 Kaufman, 2001 - *Kaufman S.J.* Modern Hatreds. The Symbolic Politics of Ethnic War. Ithaca, New

York: Columbia University Press, 2001.

Kedourie, 1971 - *Kedourie E.* Nationalism in Asia and Africa. London, 1971.

Kedourie, 1966 - *Kedourie E.* Nationalism. London, 1966.

Kohn, 1946 - *Kohn H.* The Idea of Nationalism. New York, 1946.

Kohn, 1955 - *Kohn H.* Nationalism: Its meaning and history. Princeton, 1955.

Qualitative Research Practice, 2010 - *Qualitative Research Practice*. Ed. by C. Seale, G. Gobo, J. Gubrium, D. Silverman. London, 2010.

Palacky, 1939 - *Palacky F.* Dějiny narodu českého v Cechách a v Moravě. Díl 1-6. Praha, 1939.

Renan, 1882 - *Renan E.* Qu'est-ce que'une nation? Paris, 1882.

Schlee, 2010 - *Schlee G.* How enemies are made. Towards a theory of ethnoic and religious conflicts. New York, 2010.

Smith, 1981 - *Smith A.* The Ethnic Revival. Cambridge, 1981, ch.5.

Smith, 1971 - *Smith A.* Theories of Nationalism. London, 1971, ch.10.

Smith, 1999 - *Smith A.* Myths and Memories of the Nation. Oxford University Press, 1999.

Stangor et al., 1991 - *Stangor Ch., Sullivan L., Ford Th.E.* Affective and Cognitive Determinants of Prejudice. // *Social Cognition*. Vol. 9. 1991. № 4.

Young, 1976 - *Young C.* The Politics of Cultural Pluralism. Madison, 1976.

УДК 94 (4) "15/19"

Идея нации в Восточной Европе в Новое время

Виктор Юрьевич Апрыщенко ^{а, *}

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется формирование национальной идентичности в Восточной Европе в Новое время. Идея нации рассматривается как результат и источник мифологизации. Восточно-европейская интеллектуальная традиция XIX века обусловила этническую мобилизацию, направленную на защиту идеи нации. Акцентируя роль элитарных и массовых представлений, автор отстаивает идею, что национализм сыграл связующую роль между государством и обществом, а также поставлял ресурсы для нации-строительства. Роль национальных символов также рассматривается в статье на основе этно-символического подхода. Автор приходит к выводу, что элитарные представления о нации, основанные на этнических мифах и символах, определили национальную идентичность в Восточной Европе Нового времени.

Ключевые слова: нация, идентичность, мифы, символы, этичность, интеллектуалы, народные представления.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: victorapr@sfedu.ru (В.Ю. Апрыщенко)